

КР-1410759

АФАНАСЬЕВА Ольга Евгеньевна

**ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ
В ДЕЛОВЫХ ДОКУМЕНТАХ ПООНЕЖЬЯ
В XVI – XVII вв.**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. В последние десятилетия изучение имен собственных выходит на качественно иной уровень развития: происходит переход от частных исследований к обобщенным монографическим работам, создается множество ономастических словарей, структурируется ономастическая терминология. Активно используются нетрадиционные подходы к анализу ономастических единиц и множеств (когнитивный подход исследования, функциональный, этнолингвистический). В рамках новых направлений и подходов исследователи пытаются решить основные задачи исторической антропониимии: описать развитие общерусской антропониимической системы, определить процессы, способствовавшие формированию современной трехчленной модели именованного лица, охарактеризовать функционирование имен собственных в деловых документах различных жанров и т.п.

Несмотря на важность обобщающих исследований, довольно актуальным направлением остается изучение региональной антропониимии и топонимии, поскольку без анализа всех сохранившихся памятников деловой письменности Русского государства невозможно понять процессы, которые привели к формированию современной антропониимической формулы именованного лица как наиболее оптимального средства номинации лица.

Актуальность изучения имен собственных Поонежья XVI-XVII вв. обусловлена тем, что исследование направлено на описание особенностей антропониимов и топонимов Поонсжья XVI-XVII вв. посредством сравнения ономастиконов Каргополья, Новгородской республики, Белоозера и Вологодского уезда. Сопоставительный анализ имен собственных разных территорий необходим для выявления типологических и локальных черт ономастических систем, составляющих общерусскую систему. Решение этих проблем требует описания норм делопроизводства двух центров (В. Новгорода и Москвы), повлиявших на употребление имен собственных в писцовых документах Каргопольского уезда. При исследовании традиций деловой письменности устанавливаются общие тенденции влияния ономастических систем разных регионов друг на друга.

В исторической ономастике научному анализу подвергались имена собственные разных регионов Русского государства. Свообразие новгородской антропониимии XV-XVI вв. изучала Р. Л. Сельвина [1976], исторические корни уральских фамилий - А. Г. Мосин [2002], донской ономастикон - Л. М. Щетинин [2004], антропониимы в белозерских документах - Т. В. Бахвалова [1972], имена собственные в пермских памятниках - Е. Н. Полякова [1979], антропониимию Прикамья XVII века - Н. В. Медведсва [1999]; становление русского официального антропониима на примере анализа антропониимии Чердыни - Д. В. Семькин [2000]; антропониимы и топонимы в вологодских деловых документах - Ю. И. Чайкина [1987, 2000], И. Н. Попова [2002], Н. В. Комлева [2004] и др.

Изучению топонимов отдельных территорий Русского государства также посвящено большое количество работ (исследования В. П. Лемтюговой [1983], Е. Н. Варниковой [1988], Л. Н. Монзиковой [2004], В. Л. Васильева [2005], М. В. Горбаневского [1994], Н. Ю. Забелина [2007], Е. Н. Ивановой [2006], Т. И. Киришевой [2006], Л. А. Климковой [2008] и мн. др.). Антропонимы Поонежья рассматривались С. Н. Смольниковым [2005] с точки зрения влияния типа и жанра документа на особенности употребления имен собственных.

Антропонимы и топонимы, зафиксированные в деловых документах Поонежья XVI–XVII вв., ранее не подвергались комплексному анализу. Однако изучение имен собственных данной территории имеет важное значение в ряду других исследований региональных ономастических систем Северной Руси.

К рассмотрению привлечены деловые документы Каргопольского уезда XVI–XVII вв. Это обусловлено с тем, что данный период связан с наиболее активным социально-экономическим развитием Каргополя. Как отмечают ученые, расцвет Каргополя в XVI–XVII вв. обусловлен выгодным экономическим и географическим положением города.

При анализе ономастикона исследуемой территории названия «Поонсье» и «Каргопольский уезд» приравниваются, потому что в древности Поонсье (земли по берегам реки Онеги) относилось к «области града Каргополя», к Каргопольской земле [Гунн, 12–13].

Объект изучения. В работе исследуются антропонимы и ойконимы, отмеченные в деловых документах Поонежья XVI–XVII вв., в сопоставлении с аналогичными источниками В. Новгорода, Белоозера и Вологодского уезда. Для исследования привлечено 9615 антропонимов и 925 ойконимов, зафиксированных в памятниках деловой письменности Каргопольского уезда XVI–XVII вв., а также 6074 именованья, отмеченные в писцовых источниках В. Новгорода, Белоозера, Вологодского уезда. Общее количество анализируемых имен собственных равняется 16614 ономастическим единицам. Для сопоставления также используются статистические данные по другим севернорусским территориям, приведенные в работах Р. Л. Сельвиной, С. Н. Смольникова, Н. В. Комлевой, Ю. И. Чайкиной.

Предметом исследования в настоящей работе являются процессы развития антропонимии и топонимии Поонежья XVI–XVII вв., обусловленные воздействием норм деловой письменности разных центров делопроизводства (Москвы и В. Новгорода), влиянием социально-экономических и историко-культурных факторов и изменением языковой картины мира каргопольцев.

Цель данной работы – описать структурные и семантические особенности антропонимов и топонимов Поонежья XVI–XVII вв., связанные с воздействием традиций делопроизводства разных центров (Москвы и В. Новгорода), установить общие и локальные признаки ономастиконов

Каргопольского уезда по сравнению с анализируемыми ономастическими системами.

В соответствии с целью исследования поставлены следующие задачи:

1) охарактеризовать и классифицировать основные антропонимические и топонимические единицы в анализируемых документах по составу, структуре и семантике производящих основ, а также по предметно-тематическим сферам;

2) определить типологические особенности анализируемых систем, значимые для их сопоставительного анализа;

3) выявить локальные отличия ономастиконов Каргопольского уезда по сравнению с ономастическими системами В. Новгорода, Белоозера и Вологды XVI-XVII вв.;

4) описать влияние норм московского приказного языка и норм новгородского делопроизводства на особенности употребления имен собственных в сотных и переписных книгах Поонежья;

5) проанализировать ойконимы с целью выявления внутриязыковых, социально-экономических и историко-культурных факторов, повлиявших на состав и структуру русских топонимов;

6) реконструировать отдельные фрагменты языковой картины мира каргопольцев, которые нашли отражение в писцовых документах XVI-XVII вв.

Основные методы анализа ономастических единиц и явлений направлены на достижение поставленных целей. Сравнительно-сопоставительный метод применяется для выявления общих особенностей ономастических систем; историко-сравнительный метод в процессе сравнения открывает возможность для обоснования и объяснения ономастических процессов, фактов и явлений; описательный метод применяется для описания выявленных ономастических единиц; количественно-статистический метод используется для определения соотношения количества антропонимов и топонимов по разным признакам.

В рамках данных методов используются приёмы классификации имён, реконструкции имён собственных и их форм, приёмы моделирования структурного анализа.

Анализ имен собственных Каргополя осуществляется путем сопоставления систем по различным признакам. Сопоставление ономастических единиц сопредельных территорий позволяет отметить процессы и явления, свойственные ономастиконам отдельных районов Русского государства. Характеристика именовании на уровне одной системы, но на разных временных отрезках помогает определить изменения в антропонимии одного региона, произошедшие в течение столетия.

Сопоставление проведено в разных аспектах описания специфики региональных ономастиконов. К аспектам исследования антропонимов и топонимов Каргопольского уезда относятся: сопоставление региональных

ономастических систем, отражение норм деловой письменности разных центров (Москвы и В. Новгорода), социально-экономический и культурно-исторический аспект. В рамках культурно-исторического аспекта описывается отражение языковой картины мира старорусского человека.

Источники фактического материала. Материалом для исследования послужили имена собственные Поонежья XVI-XVII вв., зафиксированные в документах официально-деловой письменности: «Сотная на Каргополь 1561-1564 гг.», «Сотные на волости Каргопольского уезда 1561-1562 гг.», «Сотная на Турчасовский стан Каргопольского уезда с письма Я. И. Сабурова и И. А. Кутузова 1556 г.», «Переписная книга посадских дворов города Каргополя, деревень, дворов в черных волостях Каргопольского уезда переписи воеводы Василия Ивановича Жукова» (1648 г.) // РГАДА, ф. 137, оп. 1. Вятка (Хлынов). № 6 а / 11. Л. 1 – 500.

К числу источников, используемых для сопоставления, относятся писцовые документы В. Новгорода, Белозерского и Вологодского уездов: «Новгородские писцовые книги. Книги Бежецкой пятины, 1564 г.», «Переписная книга Новгорода Великого переписи князя Григория Даниловича Долгорукого и подьячего Ивана Раковского», 1646 г., «Сотная с писцовых книг Ф. Ф. Хидырщикова и Г. Л. Клементиева на земли Кирилло-Белозерского монастыря в Белозерском уезде 1544 г.» // Северный археографический сборник: Северные писцовые книги, сотницы и платежницы XVI в. Вып. 2. – Вологда, 1972, «Переписная дозорная книга Вологодского уезда 1589 – 1590 гг.» // Северный археографический сборник: Северные писцовые книги, сотницы и платежницы XVI в. Вып. 2. – Вологда, 1972.

Научная новизна исследования состоит в том, что антропонимия и топонимия Поонежья ранее не подвергалась системному анализу как языковое и этнокультурное явление. Между тем документы делопроизводства Северной Руси, в частности Каргополя, содержат богатый ономастический материал, который поможет воссоздать, дополнить сведения об антропонимической системе русского языка XVI-XVII вв., реконструировать фрагменты языковой картины мира каргопольцев, описать традиции деловой письменности В. Новгорода и Москвы, нашедшие отражение в сотных и переписных книгах Каргопольского уезда XVI-XVII вв.

Положения, выносимые на защиту.

1) История антропонимии и топонимии Поонежья в целом отражает общие процессы развития ономастической системы, свойственные для разных территорий русского государства XVI-XVII вв. Типологическими особенностями имен собственных, выявленными при исследовании деловых документов Каргопольского уезда, В. Новгорода, Белоозера и Вологодского уезда XVI-XVII вв., являются активность двухкомпонентных моделей именования лица в писцовых материалах XVI в., вытеснение некалендарных антропонимов с первой позиции в именовании лица, стабильность первой

пятерки личных имен, употребляемых в деловых документах всех исследуемых регионов, распространение групп антропонимов, относящихся к основным предметно-тематическим сферам «Человек», «Семья», «Внешний мир» во всех анализируемых источниках.

2) Региональная антропонимия и топонимия дает богатый материал для исследования системы ценностей жителей отдельных районов Русского государства XVI-XVII вв. К местным особенностям имен собственных Поонежья относятся низкая активность порядковых личных имен, популярность апотропейческих антропонимов на первой позиции в именовании лица и антропонимов, указывающих на этническую принадлежность лица, род деятельности именуемого. Локальные отличия антропонимической и топонимической системы Каргопольского уезда объясняются ценностными ориентирами этноязыкового коллектива, языковой картиной мира каргопольцев.

3) Особенности антропонимии и топонимии Поонежья связаны с влиянием ономастики Новгорода. К традициям делового письма В. Новгорода, которые оказали воздействие на употребление имен собственных в писцовых материалах Поонежья XVI-XVII вв., относятся раннее формирование фамилий, низкая активность в сотных Каргопольского уезда XVI в. некалендарных личных имен, популярность имен, указывающих на профессию, род занятий именуемого, распространение антропонимов с суффиксом *-хн-* и топонимов с формантом *-ская*.

4) Имена собственные Поонежья испытали воздействие традиций деловой письменности Центральной Руси. К нормам московского приказного языка, оказавшим влияние на употребление антропонимов и топонимов в деловых документах Каргопольского уезда XVI-XVII вв., относятся активность трехкомпонентных моделей номинации, вытеснение некалендарного антропонима с первой позиции в именовании лица в переписных книгах XVII в., популярность личных имен с формантами *-ук/-юк* и антропонимов с суффиксами *-ов/-ев*, преобладание посессивных названий географических объектов.

5) Процесс формирования фамилий и становление трехчленной формулы именовании лица в Каргопольском уезде складывались быстрее, чем в Вологодском и Белоозерском уездах XVI-XVII вв. Более раннее формирование фамилии в Поонежье, чем в регионах, где преобладало поместное и монастырское землевладение (Вологда и Белоозеро), обусловлено типом феодалной зависимости крестьян, широким распространением черносошного землевладения.

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования заключается в развитии методик комплексного анализа исторической ономастики. Результаты анализа ономастического материала могут быть использованы для формирования целостного представления об антропонимической и топонимической системе Русского государства в

период формирования великорусской народности, при изучении процессов развития и взаимовлияния ономастических систем разных регионов друг на друга.

Результаты, полученные в ходе исследования, могут быть использованы при создании обобщающих трудов по истории русской топонимии и антропонимии, в лекционных курсах и учебных пособиях по исторической ономастике и лексикологии.

Апробации результатов исследования была проведена на VIII Международной филологической конференции (6 – 7 октября 2005 г., Гомель), на XXXVI Международной филологической конференции (13 – 18 марта 2007 г., Санкт-Петербург), на научно-практической конференции «Проблемы текста», посвященной 100-летию со дня рождения академика Д. С. Лихачева (ноябрь 2006 г., Вологда), на научно-практической конференции «Сессия молодых ученых и аспирантов» (ноябрь 2007 г., Вологда). Основное содержание работы изложено в пяти публикациях общим объемом 1,3 печатных листа. Одна статья опубликована в издании списка ВАК.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** определяется актуальность и степень изученности материала, обосновываются аспекты анализа имен собственных, формулируются объект, предмет, цель, задачи, хронологические рамки исследования, характеризуются источники фактического материала, рассматривается вопрос анализа формуляра делового документа, определяется методология исследования, научная новизна, теоретическая и практическая значимость результатов исследования, формулируются основные положения, выносимые на защиту.

В **первой главе «Антропонимы в структуре формуляра писцовых книг Поонежья XVI-XVII вв.: модели и состав именованных»** анализируется состав и структура мужских именованных жителей Поонежья в сопоставлении с именованными В. Новгорода, Белоозера и Вологодского уезда XVI-XVII вв., а также описываются женские антропонимы Каргопольского уезда.

Первый параграф главы посвящен описанию особенностей формуляров писцовых документов Поонежья XVI-XVII вв. в сопоставлении с аналогичными документами анализируемых регионов.

В основу исследования имен собственных Каргопольского уезда положены параметры, которые позволили охарактеризовать особенности формуляров делового письма Великого Новгорода и Москвы, нашедшие отражение в изучаемых писцовых материалах. К данным параметрам относятся особенности использования терминов административно-

территориального деления, отличия единиц налогообложения, различия в структуре писцовых документов, принципы построения статей в сотных и переписных книгах, особенности формул мужских именовании, соотношение календарных и некалендарных личных имен, активность имен-композиции, фонетические, морфологические и словообразовательные особенности в антропонимии и топонимии исследуемых источников. Перечисленные параметры положены в основу анализа имен собственных Поонсжья XVI-XVII вв. во всех трех главах.

В процессе анализа формул именования лиц мужского пола, зафиксированных в сотных Каргопольского уезда XVI в., выявлены 4 формулы именовании жителей. Преобладающее большинство антропонимов являются двухкомпонентными структурами (95,8%), трехкомпонентные модели составляют 7,4% от общего количества именовании, однокомпонентные - 1,3%, а также отмечены единичные случаи употребления четырехчленных конструкций (в. *Якуш Рябина Игумнов сын Ефремова* [Сотн. Турч. ст., 132], *Оска Ермолин сын Мартемьянов внук Криволисова* [Сотн. Каргоп. у., 438]).

В переписной книге Каргопольского уезда 1648 г. к трехкомпонентным структурам принадлежат 66% именовании, к двусоставным - 32% антропонимов от общего количества именовании мужчин.

Итак, в текстах Поонсжья XVI в. преобладают двусоставные именовании, в то время как в деловых документах Каргополя XVII в. значительно увеличивается доля трехчленных антропонимических единиц. Данное явление связано со становлением официальной трехкомпонентной модели именования лица и обусловлено влиянием норм московского делопроизводства.

В писцовой книге В. Новгорода 1564 г. зафиксировано 83 % двухкомпонентных именовании (*Губа Софонов* [Писц. Новг., 962], *Торуса Самойлов* [Писц. Новг., 962]), 15% антропонимов представляют собой трехчленные конструкции (*Зык Курбаков сын Москотиньев* [Писц. Новг., 884], *Немир Семенов сын Володимиров* [Писц. Новг., 891]) и 2 % составляют однокомпонентные именовании. В редких случаях отмечены четырехчленные модели, например, *Иван Ооериха Дмитриев сын Зиновьева* [Писц. Новг., 939].

В переписной книге В. Новгорода 1646 г. 80% именовании представляют собой трехчленные структуры, причем третий компонент является фамильным прозвищем, восходящим к названиям профессий: Родионко Андреев сын *Серебряник* [Переп. Новг., 81], Максимко Екимов сын *Шубник* [Переп. Новг., 81], Митрофанко Контратьев сын *Яблочник* [Переп. Новг., 81].

В сотной Белоозера 1544 г. из 996 именовании 963 включают два компонента (в. *Рябинка Якушев* [Сотн. Белоз. у., 203], *Скрып Савин* [Сотн. Белоз. у., 188]), что составляет 96% от общего количества именовании, всего 2 антропонима имеют трехчастную структуру (в. *Ермачко Царь Федотов* [Сотн. Белоз. у., 192], в. *Воршня Климов сосновец* [Сотн. Белоз. у., 202]), 31

именование (3%) состоит из одного компонента. Однокомпонентные именованные встречаются более последовательно в сотной Белоозера 1544 г., причем данные конструкции употребляются не только для именовании церковнослужителей, как в деловых документах Каргополя, В. Новгорода и Вологодского уезда, но и при именовании крестьян – владельцев угодий (починок Давыдков: *в. Давыдко* [Сотн. Белоз. у., 196], починок Шевырино: *в. Шевыря* [Сотн. Белоз. у., 202] и др.).

В дозорной переписной книге Вологодского уезда 1589-1590 г. из 1131 мужского именовании абсолютное большинство антропонимов представляет собой двучленные конструкции (99%), в которых на второй позиции употреблен патроним, образованный от календарного личного имени (Невежка *Михаилов* [Доз. Волог. у., 7], Баженко *Иванов* [Доз. Волог. у., 8]). Трехчленные модели встречаются в единичных случаях (во дворе *Васка Лепня Семенов* [Доз. Волог. у., 74]). Однокомпонентные структуры используются только при именовании служителей церкви (*поп Иван* [Доз. Волог. у., 118], *поп Алистарх* [Доз. Волог. у., 129]).

В писцовых материалах Белоозера и Вологодского уезда реже, чем в деловых документах Каргопольского уезда и В. Новгорода, употребляются трехкомпонентные структуры. Четырехчленных моделей именовании лица не отмечено.

Использование тех или иных формул именовании лица в писцовых и переписных книгах XVI-XVII вв. могло зависеть от социального статуса номинанта и типа подчинения податного населения, распространенного в исследуемых уездах.

Абсолютное большинство именуемых в анализируемых писцовых источниках принадлежит к социальному слою крестьян, но в разных регионах Русского государства крестьяне имели различные формы феодальной зависимости.

Исследованию проблем феодального землевладения посвящено множество научных работ: распространение церковно-монастырского землевладения рассмотрено в монографиях М. С. Черкасовой [1994, 1998, 2001], система землевладения Поморья – в работах Ю. С. Васильева [Васильев, 1979, 1992], П. А. Колесникова, формы земельной собственности В. Новгорода – в трудах В. М. Воробьева, А. Я. Дегтярева и мн. др.

По данным историков, в третьей четверти XV века в новгородской части Севера широкое распространение имело землевладение новгородских бояр. Им принадлежала большая часть земель в Заонежье, на Двине, Ваге и, видимо, в Каргопольском крас. В то время как в южных уездах, Белоозерском и Вологодском, доминирующим было черносошное землевладение [Васильев, 1979, 54].

Распространение черносошного, а затем переход черносошного землевладения в дворцовое и монастырское на территории Каргопольского уезда и остальных исследуемых районов в XVI в. отражает политическое и

социально-экономическое влияние Московского государства. Преобладание поместного землевладения в Белоозерс и Вологодском уезде в XVII веке вызвано воздействием форм земельной собственности Московской Руси.

В деловых документах Каргопольского уезда XVI-XVII вв. второй компонент в двучленных конструкциях и третий в трехчленных моделях именований лица во многих случаях являются фамилиями. Доказательством фиксации фамилий в данных источниках служит номинация членов одной семьи, в которых употребляются одинаковые компоненты на второй и третьей позициях (в. *Захар Федотов сын Рукавицын* [Сотн. Каргоп. у., 327] - в. *Иванко Федотов сын Рукавицын* [Сотн. Каргоп. у., 327], в. *Лука да Петрок Федоровы дети Потьлицына* [Сотн. Каргоп. у., 328] и др.).

На процесс формирования фамилий у податного населения сильно повлияли форма землевладения и тип зависимости крестьян. Так, на территориях, где было распространено монастырское и поместное землевладение (Белоозеро, Вологда), фамилии у крестьянства сформировались значительно позднее (в конце XVII в.). В то время как на территориях, где изначально землями владели новгородские бояре, а потом преобладало черносошное землевладение (Каргополье), фамилии оформились раньше, - уже в конце XVI - начале XVII вв.

При исследовании состава мужских календарных антропонимов Каргопольского уезда описываются репертуар и особенности употребления мужских календарных антропонимов, канонические и неканонические формы имен, модификаты календарных антропонимов и имена-композиата.

Состав мужских календарных личных имен Поонежья имел как общие особенности с именами, которые фиксируются в деловых документах Новгородской республики, Белоозерского и Вологодского уездов XVI-XVII вв., так и отличительные черты от имен, употребляемых в писцовых материалах анализируемых территорий. В результате статистического сравнения календарных антропонимов Каргопольского уезда и В. Новгорода, Вологодского и Белоозерского уездов выделено пять самых активных личных имен: *Иван/Ивашко/Иванко*, *Федор/Федко/Фетко*, *Василий/Василей/Васка/Васюк*, *Семен/Сенка*. Данные имена были самыми популярными во всех районах Русского государства. Пятый антропоним меняется в зависимости от территории распространения, в Каргополье и В. Новгороде - это личное имя *Гридка/Гридя/Григорий/Гришка*, в Вологодских и Белоозерских документах - *Яков*. Активность одних и тех же антропонимов в писцовых материалах разных регионов Русского государства обусловлена влиянием христианских традиций на антропонимическую систему русского языка XVI-XVII вв. и, вероятно, языковым вкусом эпохи.

Календарные личные имена мужчин Каргопольского уезда в писцовых источниках XVI-XVII вв. представлены как в канонической, так и в неканонической формах. Преобладающее большинство имен в сотных Каргопольского уезда 1561-1562 гг. употреблено в неканонической форме. К

середине XVII века в документах Поонежья наблюдается снижение вариативности календарных имен, личные имена в большинстве случаев закрепляются в одном устойчивом неканоническом варианте. Низкий процент канонических форм имен на первой позиции в именовании лиц мужского пола объясняется формированием устойчивой антропонимической модели.

В ходе анализа неканонических вариантов выявлены фонетические, морфологические и словообразовательные признаки, которые фиксируются как в каргопольской антропонимии, так в антропонимии В. Новгорода, Белозерского и Вологодского уездов XVI-XVII вв.

В исследуемых источниках отмечены фонетические изменения, связанные с адаптацией календарных личных имен к русской фонетико-морфологической системе, а также изменения, обусловленные влиянием диалектных процессов.

1. В производных формах от личных имен *Никита*, *Никифор* наблюдается мена близких по артикуляции сонорных согласных [М] и [Н]: в. *Микитка* Офонасов [Сотн. Турч. ст., 96], *Микита* Максимов [Доз. Волог. у., 1589, 162], в. *Микитка* Логинов [Сотн. Белоз. у., 202] и др.

2. Замена начального [ио] на [јэ]: в. Спирко *Есипов* [Сотн. Турч. ст., 125] <вариант календарного личного имени *Иосиф* [Полякова, 158], т.е. начальное [ио] перешло в [јэ]; в. Ворон *Есипов* [Сотн. Белоз. у., 187] и др.

3. Вставка интервокального [ј] с целью устранения не свойственного русскому языку зияния гласных: *Иев* < Иов: в. *Иевко* Юрев [Сотн. Турч. ст., 101].

4. Потеря инициального безударного гласного. Например, *Ларион* < Илларион: в. *Ларионко* Иванов [Сотн. Турч. ст., 113].

5. Замена начального гласного [А] гласным [О]: Гридя *Онкудинов* [Сотн. Каргоп. у., 310], в. *Омельяно* Сонин [Сотн. Белоз. у., 203] и др. Такое написание не стоит относить к оканью и считать результатом неразличения *о* и *а* в безударных слогах. Р.Л. Сельвина замечает, что в подобных случаях передается традиционная их огласовка, которую эти личные имена получили еще до появления аканья в фонетической системе русского языка [Сельвина, 12]. Замена гласных /о/ на /а/ и /а/ на /о/ после согласных (независимо от места ударения) [Янин, Зализняк, 1986, 147] связана с влиянием новгородской антропонимии на памятники письменности других регионов. В итоге подобные примеры можно отнести к влиянию древненовгородского диалекта на развитие антропосистемы Каргополя и Белоозера.

6. Переход конечного *-он* в *-ан*: в. Якуш *Конанов* Ус [Сотн. Турч. ст., 100], *Конанко* Гаврилов сын сын Ермолов [Переп. Турч. ст., 1648, л. 504], в. Иванко *Конанов* [Сотн. Белоз. у., 203] < Коноц; в. Сенка *Труфанов* [Сотн. Турч. ст., 118], в. Иванко *Труфанов* [Сотн. Белоз. у., 195], в. Куземка *Симанов* [Сотн. Белоз. у., 198] и т.д. По словам А.А. Зализняка, переход конечного *-он* в *-ан* в личных именах типа *Онътан*, *Огафан* – отличительная особенность

древненовгородского диалекта, которая нашла отражение в новгородских берестяных грамотах [Зализняк, 187].

Локальной особенностью именика Поонежья является частое употребление в каргопольских документах имен *Огафан* (вариант имени *Агафон*) и *Парфей*. Первое имя возникло под влиянием модели календарных имен с завершением основы на -ан: *Васьян* (Вассиан), *Демьян* (Дамиан), *Селиван*, *Митрофан* и т. п. В сотных книгах Каргопольского уезда 1561–1562 гг. имя *Огафан* фиксируется не только как личное имя, но и как основа патронимов (*Огафан* Кипров [Сотн. Каргоп. у., 384], *Костя Огафанов* [Сотн. Каргоп. у., 326]).

Имя *Парфей* и его производные также отмечены в каргопольских документах (в. Якунка Окулов да Митка *Парфиев* [Сотн. Каргоп. у., 342], Маланя *Парфеева* жена Кончакова [Сотн. Каргоп. у., 442]). Данное имя образовано на основе модификата календарного имени (*Паршук* < *Парха* < *Парфен* < *Парфений*) как аналог немодифицированного антропонима [Смольников, 2005, 77-78].

7. Действие межслоговой ассимиляции и диссимиляции гласных: Поспелко Прохоров да дети его Титко да *Гарасимко* семи годов [Переп. Каргоп. у., 1648, л. 502] < *Герасим*; *Пентешка* Иванов сын *Привалиха* [Переп. Турч. ст., 1648, л. 504] < *Пантелеймон*; *Лаврушка* Еремеев да захребетник его *Коземка* Кобылкин [Переп. Турч. ст., 1648, л. 505 об.] < *Кузьма* и т. п.

8. Действие контактных и дистантных, прогрессивных и регрессивных ассимиляций и диссимиляций согласных: *Галахтион* Пиминов [Переп. Турч. ст., 1648, л. 504] > *Галактион* (замена *кт* на *хт* по аналогии с просторечным [ногти] – [нокти] – [нохти]) и др.

9. Дизреза, метатеза и эпентеза согласных с целью устранения труднопроизносимых сочетаний звуков: в. *Онцыфорко* Григорев [Сотн. Турч. ст., 196] < *Онисифор* и т. д.

Итак, фонетические изменения антропонимов в анализируемых писцовых материалах связаны с адаптацией личных имен в русском языке, с процессами, свойственными древненовгородскому диалекту, а также с локальными особенностями антропонимической системы Поонежья.

В памятниках официально-деловой письменности Каргопольского уезда XVI-XVII вв. отмечены процессы семантической адаптации, свидетельствующие о взаимодействии календарных и некалендарных антропонимов. Употребление в деловых документах Каргопольского уезда XVI-XVII вв. таких модифицированных форм личных имен, как *Калинка*, *Костка*, *Елка*, *Палка*, *Олух* и др. указывает на семантическое сближение антропонимов с нарицательными существительными. В “Словаре древнерусских личных собственных имен” Н. М. Тупикова антропоним *Калинка* (*Калинка* Еремин [Сотн. Каргоп. у., 474]) отнесен к календарным именам, но с пометой: ‘Калина, Калинка < Каллиник. Есть некалендарное имя Калина’ [Тупиков, 862]. Антропоним *Костка* < Константин в тексте

переписной книги Поонежья 1648 г. сближается с апеллятивом «кость» (бобыль *Костка* Галактионов сын Шурмоев [Переп. Каргоп. у., л. 4]). Личному имени *Елка* (*Елка* Еремин [Сотн. Каргоп. у, 370]) в словаре Тупикова приводится значение 'Елага, Елец, Елка<Елизар, Елисей, Елистрат. Есть некалендарное имя Елец, Елка' [Тупиков, 861].

Таким образом, в документах Каргопольского уезда XVI-XVII вв. наблюдается значительная вариативность календарных имен, которая привела к смешению признаков календарных и некалендарных антропонимов. Существование множества различных форм личных имен, зафиксированных в писцовых текстах Каргопольского уезда XVI-XVII вв., обусловлено менталитетом каргопольцев и отношением жителей Русского государства к чуждым их культуре заимствованным антропонимам.

В писцовых документах Поонежья XVI-XVII вв. преобладающее большинство антропонимов на первой позиции в именовании лица употреблено в модифицированной форме. Самым популярным, как и на всей территории Руси в XVI в., является антропоформант *-ка, -ко* (85%). Наиболее активными были следующие варианты модификатов: *Иванко* (403), *Федко* (289), *Васка* (239), *Сенка* (210), *Гридка* (176), *Михалко* (98). Популярность суффикса *-ка, -ко* обусловлена социальным статусом именуемых, нормами официально-делового письма и жанром документа.

Модификаты с формантами *-юк, -ук, -уш, -ех, -х, -ша, -ш, -а* встречаются реже. Суффикс *-ук-ь/-юк-ь* наивысшую активность имел в XIV-XV вв. и был наиболее распространен в центральных землях (Владимирской, Переяславской, Московской) [Гвоздева, 1987, 71]. Популярность имен собственных с формантом *-ук-ь/-юк-ь* в деловых документах, по свидетельству С. Н. Смольникова, можно интерпретировать как воплощение в именовании стандартного имени, имеющего официальный характер, закрепленного традициями московского делопроизводства и вносимого в документ писцом [Смольников, 2005, 83]. Таким образом, бытование в писцовых материалах Каргопольского уезда и близлежащих территорий антропонимов с суффиксом *-ук/-юк* (в. *Васюк* Ондресв [Сотн. Турч. ст., 107], в. *Паршук* Семенов [Сотн. Турч. ст., 105]) обусловлено распространением норм деловой письменности Центральной Руси.

В писцовых источниках Поонежья наблюдается активность раритетного форманта *-хн-* (*Иванко Фехнов* [Сотн. Каргоп. у., 390] дер. *Грихна* Лукина [Сотн. Каргоп. у., 356]), который был популярен в западных регионах Русского государства. Распространение форманта *-хн-* локализовано - Новгородская, Псковская, Белозерская земли; с позиции В. Я. Янина и А. А. Зализняка, имена с суффиксом *-хън-* в раннем древненовгородском диалекте - черта севернокривичского происхождения [Янин, Зализняк, 1993, 212]. Представляется, что популярность антропонимов с суффиксом *-хн-* в писцовых материалах Каргопольского уезда XVI-XVII в. связана с влиянием традиций делового письма В. Новгорода.

В деловых документах Каргопольского уезда XVI в. отмечено употребление имен собственных, образованных от древнейших имен-компози́та, которые являются отличительной особенностью новгородской антропонимии (*Добрыня* Ондреев [Сотн. Каргоп. у., 346]<*Доброслав). Среди топонимов, зафиксированных в сотных Поонежья, наблюдаются более архаичные формы имен-компози́та, чем среди личных имен. Например, в сотных Поонежья 1561-1562 гг. фиксируется топоним *дер. Сидоровская Всеславы* [Сотн. Каргоп. у., 400], в котором второй компонент составного наименования мотивирован личным именем *Всеславь* с местоименным компонентом. В. Л. Васильев, исследуя архаическую топонимию Древнего Новгорода, отмечает подобный, но односоставный ойконим: *Всеславы* дер. в Бологовском пог. Дер. Пят. 1495г. [Васильев, 2005, 64]. В сотных Каргополья XVI в. также встречается ойконим, образованный от имени-компози́та: волостка *Донослава* [Сотн. Каргоп. у., 280].

В писцовой книге В. Новгорода 1564 г. имена-компози́та фиксируются на разных позициях в именовании лица (Немир Семенов сын *Володимеров* [Писц. Новг., 891], *Ярец* Онфимов [Писц. Новг., 939]). Однако данные антропонимы встречаются редко, потому что уже в берестяных грамотах В. Новгорода XIII века они вышли из употребления [Зализняк, 2000, 491].

В писцовых материалах Белоозера 1544 г. отмечено всего два имени-компози́та на первой и второй позиции: в. *Добрыня* Лабунин [Сотн. Белоз. у., 185], в. Папа *Добрынин* [Сотн. Белоз. у., 185].

В переписной дозорной книге Вологодского уезда 1589-1590 гг. встречается только один антропоним *Ярец* на второй позиции: Богданко *Ярцов* [Доз. Волог. у., 15].

Фиксация имен-компози́та в писцовых материалах Поонежья, Белоозера и Вологодского уезда свидетельствует о влиянии древненовгородского диалекта на антропони́мию исследуемых территорий.

В деловых документах Каргопольского уезда XVI-XVII в. женские именованья не многочисленны. Практически все личные имена женщин являются календарными (вдова *Огафыца* Тимохина жена [Сотн. Каргоп. у., 293], вдова попадья *Офимьца* Прохоровская [Переп. Каргоп. у., 1648, л. 29, об.]). Исключения составляют единичные случаи употребления некалендарных личных имен (бобылка вдова *Дунайка* Гавриловская жена Бумагина [Переп. Каргоп. у., 1648, л. 29, об.]). Данный антропоним указывает на сохранение былинных традиций В. Новгорода в языковой картине мира каргопольцев.

К наиболее популярным женским антропонимам относятся личные имена *Анна*, *Мария*, *Агафья*, *Федосья*, *Федора*, *Парасковья* (*Аница* Михайлова [Сотн. Каргоп. у., 305], вдова *Федорица* Васильевская жена Климова [Переп. Каргоп. у., 1648, л. 15] и др.). Причина активности личных имен *Анна*, *Мария* связана с их частотностью в святцах. Аналогичные выводы делает Ю. И. Чайкина при анализе календарных женских имен Вологды и В. Устюга XVII

в. [Чайкина, 2005, 200]. Выбор личного имени женщины в Поонежье и других регионах Северной Руси в старорусский период чаще всего объясняется влиянием православного мировоззрения на языковую картину мира человека.

Таким образом, в ходе анализа состава и структуры мужских и женских именований жителей Поонежья установлены общерусские и локальные особенности употребления антропонимов, а также выявлены признаки, свойственные деловой письменности двух центров (Москвы и В. Новгорода).

Во второй главе «Некалендарные антропонимы в писцовых документах Поонежья XVI-XVII вв.» рассмотрен состав некалендарных имен, стоящих на разных позициях в антропонимической формуле именования лица в Каргопольском уезде XVI-XVII вв., проведено сравнение имен Поонежья с личными именами, отмеченными в новгородских, вологодских и белозерских памятниках письменности XVI-XVII вв. Некалендарные антропонимы анализируются с позиций комплексного подхода, объединяющего классификацию по предметно-тематическим сферам с классификацией по семантике производящих основ.

В сотных Каргопольского уезда 1561-1562 гг. отмечено 2835 именований крестьян, из них некалендарными личными именами назван 221 человек, что составляет 9%. При сравнении соотношения календарных и некалендарных личных имен в Каргопольском уезде с антропонимами В. Новгорода, Вологодского и Белозерского уездов в XVI в. отмечено, что в Вологодском, Белозерском уездах процент некалендарных личных имен в официальной модели именования примерно в 3 раза выше, чем в Каргопольском уезде и В. Новгороде. Представляется, что данный факт связан с влиянием деловых документов В. Новгорода, обусловленным сильным политическим и экономическим воздействием Новгородской республики на население Поонежья в более ранний период, в XIII-XV вв.

Особенностью анализа некалендарных антропонимов на разных позициях в именовании является совмещение классификации имен по семантике производящих основ А.М. Селищева [Селищев, 1968, 107-108] с классификацией по предметным сферам бытия М. Э. Рут. В исследовании все некалендарные антропонимы Каргопольского уезда систематизируются в соответствии с семантикой производящих основ, внутрисемейные и прозвищные имена разделяются на лексико-семантические группы, а затем данные группы антропонимов объединяются в предметно-тематические сферы в зависимости от тематики и сфер предметного мира, выделенных М. Э. Рут [Рут, 2008, 56]. К ним относятся сферы «Человек», «Семья», «Дом, Двор», «Деревня», «Поле, луг», «Окружающая природа», «Внешний мир». В настоящей работе для анализа привлекаются все антропонимы, зафиксированные в писцовых материалах Поонежья XVI-XVII вв., а не только антропонимы, в основе которых лежит образное значение, поэтому данные сферы называются предметно-тематическими.

В процессе анализа внутрисемейных личных имен Каргопольского уезда XVI-XVII вв. в сопоставлении с именами Новгородской республики, Белоозера и Вологодского уезда установлено, что среди личных имен в документах деловой письменности XVI века на первой позиции довольно активны именованья, указывающие на отношение родителей к рождению младенца (*Нечай, Жданко, Баженко, Богдан*), относящиеся к сфере «Семья», апотропейческие имена (*Некраско, Злобка*), входящие в предметно-тематическую сферу «Внешний мир», и группы антропонимов, характеризующие человека по особенностям внешности, характера и поведения (*Неклюдко, Беляйко, Жук, Копос и др.*), принадлежащие к предметно-тематической сфере «Человек».

В писцовых материалах Поонежья XVI в. самая активная номинативная сфера «Семья», включающая лексико-семантические группы имен, отражающие отношение родителей к рождению младенца, порядок рождения детей и положение ребенка среди остальных членов семьи. Данная тенденция имеет общерусский характер.

Также в сотных и переписных книгах Каргопольского уезда большой популярностью пользовались апотропейческие имена, связанные со сферой «Внешний мир», поскольку они относятся к условно характеризующим именам, которые не противоречат новым принципам именованья в официально-деловой письменности.

В деловых документах Каргополя XVI в. наблюдается низкая активность имен, указывающих на порядок появления детей (предметно-тематическая сфера «Семья»). В переписной книге Поонежья 1648 г. антропонимы данной группы так же популярны, как и в писцовых источниках других исследуемых регионов (*Первушка* Степанов сын Кропачева [Переп. Каргоп. у., л. 29], *Вторко* Козмин сын Киприянова [Переп. Каргоп. у., л. 17об.]). Единичные случаи употребления на первой позиции порядковых личных имен можно считать локальной особенностью официального делопроизводства Поонежья XVI века.

На территории Каргопольского уезда прозвищные личные имена встречаются реже, чем внутрисемейные. В сотных Каргопольского уезда 1561-1562 гг. отмечен 221 некалендарный антропоним на первой позиции в именовании, из них 87 антропонимов являются прозвищными, что составляет всего 39 % от общего количества некалендарных личных имен на первой позиции в именовании лица. В Сотной Турчасовского стана 1556 г. отмечено 22 подобных антропонима на первой позиции в именовании. Однако, несмотря на низкий процент прозвищных антропонимов, репертуар их гораздо шире по сравнению с внутрисемейными личными именами.

Редкое употребление прозвищных антропонимов на первой позиции в именовании лица связано со статусом имен данной группы: некалендарные внутрисемейные личные имена, особенно *Некраско, Нечай, Богдан и др.*, воспринимались писцами на равных позициях с календарными

антропонимами, поэтому внутрисемейные имена намного чаще встречаются в писцовых документах. В то время как некалендарные прозвищные имена относили к уличным, писцы считали их второстепенными по сравнению с календарными именами и, соответственно, реже включали в переписи.

Среди прозвищных личных имен в деловых документах Каргопольского уезда XVI-XVII вв. отмечена высокая активность антропонимов, которые относятся к сфере «Внешний мир», характеризующих лицо по этнической принадлежности (*Вологда* Василев [Сотн. Каргоп. у., 458], в. *Тверинко* Василев [Сотн. Каргоп. у., 121]), и антропонимов, указывающих на профессию, род занятий человека (*Иванко* Иванов сын *Свечник* [Сотн. Каргоп., 291], *Васька* Артемов *Мыльник* [Сотн. Каргоп., 292]). Данные факты свидетельствуют о былых миграциях населения на территорию Поонежья из Карелии, Новгорода, Москвы, Твери, Вологды, отражают активную роль Каргополя во внутренней торговле Русского государства XVI-XVII вв.

Анализ второго и третьего компонентов именовании жителей исследуемого региона показал, что в обществе ценились люди духовных профессий (в. *Васко* Никитин *Изумнов* [Сотн. Турч. ст., 131]), ремесленники (в. *Гридка* *Кузнец* [Сотн. Турч. ст., 124], в.), а также отмечались особенности внешности и поведения человека (*Петеля* Максимов сын *Зубов* [Пл. кн. Каргоп. у., 288]).

Активизация на второй позиции в именовании лица в деловых документах Каргопольского уезда XVII в. антропонимов, указывающих на профессию, род занятий именуемого (бобыль *Федка* Иванов сын *Кожевников* [Персп. Каргоп. у., 1648, л. 5], *Ивашко* Степанов *Проскурникъ* [Переп. Каргоп. у., 1648, л. 7]), связана с развитием экономических и торговых отношений Каргополя с различными регионами Русского государства.

Таким образом, несмотря на преобладание календарных антропонимов на первой позиции в именовании жителей Поонежья XVI-XVII вв., на второй и на третьей позиции последовательно фиксируются некалендарные прозвищные имена, принадлежащие к предметно-тематическим сферам «Человек» и «Внешний мир».

В третьей главе «Топонимия в писцовых документах Поонежья XVI-XVII вв.» анализируются ойконимы Каргопольского уезда XVI-XVII вв. Топонимической системе исследуемого периода свойственно бытование ойконимов, принадлежащих к разным семантическим классам: наименований possessивного типа, локативных названий и качественных топонимов. Количественное сопоставление топонимов разных семантических классов дает возможность сделать выводы о процессах и явлениях, повлиявших на топонимическую систему Поонежья XVI-XVII вв.

В данной главе рассматривается семантика топооснов. Антропонимы, положенные в основу ойконимов Каргопольского уезда, классифицируются по лексико-семантическим группам и объединяются в предметно-

тематические сферы. Наиболее популярные сферы являются основой для характеристики фрагментов языковой картины мира каргопольцев.

В деловых документах Каргопольского уезда XVI-XVII вв. преобладают посессивные топонимы, как и на территории Белозерья и Вологодского уезда. Данное явление отражает общерусские процессы в топонимии, оно обусловлено влиянием системы географических названий Московской Руси на фиксацию топонимии Поонежья и наименований географических объектов в официальных документах близлежащих регионов.

Наименования, возникшие по связи с человеком, точнее характеризуют именник Поонежья XV-XVI вв., чем антропонимические материалы. Среди посессивных топонимов преобладают географические названия, образованные от мужских календарных антропонимов, они составляют 435 (47%) ойконимов. На основе некалендарных личных имен и прозвищ каргопольцев образовано 319 ойконимов, это составляет 34% от общего количества посессивных топонимов (*дер. Прибышево, дер. Рявковская, дер. Воронинская* и др.). Данное явление обусловлено тем, что топонимия более тесно связана с живой речью носителей языка и что собственные географические названия в меньшей мере зависели от норм делопроизводства.

Анализ ойконимов антропонимического происхождения показал, что частотность церковных имен различна. Наиболее продуктивными основами названий, образованных от календарных личных имен, являлись имена *Василий, Иван, Григорий, Федот, Алексей, Савва*.

Календарные личные имена по материалам топонимии отличаются большим разнообразием, не наблюдается высокой активности одних имен по сравнению с другими антропонимами. Это еще раз подтверждает, что на именовании жителей Каргопольского уезда XVI в. сильнейшее влияние оказали христианское мировоззрение и нормы официально-деловой письменности.

На территории Каргополя отмечено широкое распространение топонимов, образованных от календарных личных имен с суффиксом *-ин-* (*дер. Стехновская* [Сотн. Каргоп. у., 387], *дер. Грихновская* [Сотн. Каргоп. у., 461]). Данный факт вызван воздействием новгородской антропонимии на именник каргопольцев.

Семантика некалендарных антропонимов, отмеченных в составе ойконимов Поонежья XVI-XVII вв., отличается большим разнообразием, чем семантика личных имен, зафиксированных на первой позиции в именовании лица. Среди ойконимов преобладают наименования, образованные от антропонимов, которые принадлежат к предметно-тематическим сферам «Человек», «Внешний мир», «Дом, двор». Самая популярная сфера «Внешний мир» представлена несколькими группами антропонимов. Среди них активна группа имен, указывающих на род деятельности, профессию именуемого. Особенно популярны наименования, восходящие к прозвищным

именам, связанным с кузнечным, гончарным делом, обработкой леса (дер. *Токаревская* [Сотн. Каргоп. у., 329], дер. *Кузнецовская* [Сотн. Каргоп. у., 389]; дер. *Череповская* [Сотн. Каргоп. у., 430], в той же волосте селище *Дровделовское* [Сотн. Каргоп. у., 345]). Это явление отражает особенности языковой картины мира каргопольцев, свидетельствует о высоком уровне развития ремесел на исследуемой территории.

Вторая по популярности сфера «Человек» включает имена, характеризующие человека по внешности и поведению. При реконструкции апеллятивных основ выявлены признаки, которые были значимы для жителей Поонежья. В исследуемый период популярны топоосновы, указывающие на черты характера именуемого: дер. *Болтухинская* [Сотн. Каргоп. у., 315] <Болтуха, Болтун – в основу топонима положена речевая характеристика именуемого; дер. *Смешковская* [Сотн. Каргоп. у., 416] – черта характера человека (веселый); данное качество человека оценивалось в ряде случаев негативно – дер. *Пустосмеховская* [Сотн. Каргоп. у., 441], дер. *Скомороховская*; дер. *Лежыбоковская* [Сотн. Каргоп. у., 386] >Лежибок> лжибок – отношение к труду и др.

Локативные наименования в сотных Каргопольского уезда XVI в. составляют всего 13 % от общего количества ойконимов. Анализ топонимов, восходящих к названиям природных объектов, дает представление об особенностях ландшафта (дер. *Каменное* [Сотн. Каргоп. у., 464]; дер. *Заруче* [Сотн. Каргоп. у., 436]; *Деревня на Медвежье горе* [Сотн. Каргоп. у., 304], дер. *Нагорская* [Сотн. Каргоп. у., 392]). Данные топонимы имеют древнейшее происхождение.

При рассмотрении топонимов установлено, что качественные наименования в деловых документах Поонежья не многочисленны. Состав названий географических объектов данной группы связан со структурой административно-территориального деления Каргопольского уезда и влиянием на нее разных центров Руси (Москвы и Новгородской республики).

В писцовых источниках Поонежья XV-XVI вв. высокой активностью отмечены ойконимы с финалью *-ская* (*-овская*, *-инская*), их насчитывается 90% от общего количества наименований деревень.

В Каргопольском уезде большое количество ойконимов на *-ская* формируется в середине XVI в., об этом свидетельствуют многочисленные примеры, зафиксированные в сотных Поонежья 1561-1562 гг., в которых наименование деревни образовано от имени владельца поселения (дер. *Онцыфоровская*: в Якунка *Онцыфоров* [Сотн. Каргоп. у., 469]; дер. *Власовская*: в Федосеико *Власов* [Сотн. Каргоп. у., 474]).

Активизация ойконимов на *-ская* в XV-XVI вв. может объясняться разными лингвистическими факторами: близостью притяжательных и относительных прилагательных, способностью относительных прилагательных употребляться в значении притяжательных в языке XVI-XVII вв. и др. [Валгина, 1953].

Каргопольский уезд долгое время оставался в зоне политического влияния В. Новгорода и территориально граничил с новгородскими владениями (Обонежской и Бежецкой пятнами), поэтому широкое распространение топонимов с формантом *-ская* в деловых документах Поонежья объясняется воздействием новгородской топонимии.

В документах Каргопольского уезда середины XVI века наблюдается низкая частотность ойконимов с формантами *-ово, -ево, -ино, -ыно*, всего 5% от общего числа названий населенных пунктов (Роспаш *Гоголево* [Сотн. Каргоп. у., 434]; дер. *Василково* [Сотн. Каргоп. у., 340]). Низкая активность топоформантов *-ов/-ев* связана с популярностью форманта *-ская* и удаленностью региона от центра.

В **заключении** изложены общие выводы, которые являются результатом анализа имен собственных Поонежья XVI-XVII вв.

В ходе сопоставления ономастиконов Каргопольского уезда, В. Новгорода, Белоозера и Вологодского уезда XVI-XVII вв. выявлены основные признаки антропонимов и топонимов Поонежья, которые обусловлены воздействием общерусских процессов.

При изучении имен собственных исследуемых территорий отмечены локальные особенности антропонимов и топонимов Каргопольского уезда XVI-XVII вв.

Также сделаны выводы о влиянии разных традиций делового письма (Москвы и В. Новгорода) на употребление имен собственных в сотных и переписных книгах Каргопольского уезда XVI-XVII вв.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

1. Афанасьева О. Е. Антропонимия Каргопольского уезда в XVI веке (По материалам сотных Каргопольского уезда и сотной Турчасовского стана 1556г.) // «VIII Міжнародня навуковья чытанні, прысвечаныя Сцьпану Некранэвічу»: Зборнік навуковых артыкулаў. У 2 ч. Ч.1/ рэдкал.: А.А. Станкевіч. – Гомель: ГДУ імя Ф.Скарыны, 2007. – С. 164 – 169. (0,3 п. л.)

2. Афанасьева О. Е. Влияние новгородской деловой письменности на систему именованій крестьян Поонежья в XVI в. (на материале платежных книг – сотных - Каргопольского уезда XVI в.) // История русского языка и культурная память народа: Материалы XXXVI Международной филологической конференции / Отв. ред. О.А. Черепанова. – СПб.: СПбГУ, 2007. С. 3 – 6. (0,2 п. л.)

3. Афанасьева О. Е. Особенности некалендарных личных имен Каргопольского уезда в XVI в. (на материале сотных Каргопольского уезда) // Проблемы текста: Материалы научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения академика Д.С. Лихачева. Словесность. – Вологда, ВГПУ, 2006. С. 54 – 59. (0,3 п. л.)

4. Афанасьева О. Е. Влияние разных центров письменности на формирование особенностей антропонимии Поонежья XVI-XVII вв. // История русского слова: Ономастика и специальная лексика Северной Руси. Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 3. Отв. редактор С.Н. Смольников. – Вологда, 2007. – С. 136 – 141. (0,3 п. л.)

5. Афанасьева О. Е. Языковой вкус эпохи XVI-XVII веков (на материале сотных и переписных книг Каргопольского уезда) // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2008. - № 12. - С. 134 – 137. (0,2 п. л.) (Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий», утвержденных ВАК РФ)

Подписано в печать 19.02.2010.

Формат 60x84 1/16. Бумага ксероксная. Печать – ризограф.

Тираж 100 экз.

Отпечатано в ООО ПФ «Сувенирка»

Вологда, пер. Чернышевского, 8